

Рецензии, аннотации, отзывы

**ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ В ФИЛОСОФИИ РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД /**
под ред. В.А. Лекторского. – М.: РОССПЭН, 2014. – 470 с.

Б.О. НИКОЛАИЧЕВ

Рецензируемая книга опубликована в серии «Философия России второй половины XX века», но, в отличие от всех других томов, посвященных отдельным персоналиям, ставит целью дать общую характеристику философских достижений того времени. Именно в этот период происходит поворот от господства догматической философии к философии творческой. Этот поворот в отечественной философии первоначально был связан прежде всего с именами А.А. Зиновьева и Э.В. Ильенкова (они оба тогда занимались проблемами философской логики на материале произведений К. Маркса). В дальнейшем круг таких философов и, соответственно, тематика расширялись. Но заметим, это были в основном философы, занимавшиеся логикой, гносеологией и методологией науки. Причина понятна: именно здесь удельный вес идеологии был несравненно меньше чем в социальной или моральной философии. Однако, по мнению А.А. Гусейнова, существовал и другой мотив, побуждавший творческих людей выбирать именно эту сферу философии. Это стремление обосновать решающую роль разума в поисках истины, его первостепенное значение в жизни общества и человека. Разум для них был средством формирования свободной, самостоятельной личности, способной критически осмысливать существующую действительность. Иными словами в выборе именно этой сферы исследований присутствовал и гуманистический мотив (см. с. 17).

Отмеченный поворот в философии не означал в большинстве случаев отказа от идей Маркса, но интерпретация этих идей несла в себе элемент творческого поиска. Поэтому многие концепции и идеи, разработанные в те годы, не только не потеряли своей актуальности, но, как считает В.А. Лекторский, «могут быть изъяты из своего философского и культурного контекста и поняты сегодня в других контекстах, по новому интерпретированы (так, например, происходит сегодня с деятельностными подходами, с пониманием идеального Э.В. Ильенковым, не говоря уж об идеях М.М. Бахтина и Л.С. Выготского)» (с. 25). Ведь идеи М.М. Бахтина «стали по настоящему изучаться и пониматься в нашей стране только начиная с 70-х годов XX столетия, а в странах Запада еще позже... Сегодня в странах Запада существует целая мощная “индустрия Бахтина”» (с. 26–27). Также, раньше, чем на Западе, подчеркивает в своей статье В.А. Лекторский, в нашей стране был разработан метод восхождения от абстрактного к конкретному, было «разработано понимание научной теории как многоуровневой открытой системы...» (с. 32). Некоторые современные западные представители когнитивной науки (Э. Кларк, в частности) имен-

но в деятельностном подходе, разработанном советскими философами и психологами, «усматривают возможность дальнейшего развития своей дисциплины» (с. 35).

Большим событием в 60–70-е годы стало издание пятитомной «Философской энциклопедии», в которой были представлены не только марксистские, но и немарксистские интерпретации философских проблем (в том числе концепции русских религиозных философов). Особенно вольнолюбивым духом отличился последний 5-й том. В «Энциклопедии», как и в журнале «Вопросы философии», тон тогда задавали те философы, обсуждению идей которых и посвящено рецензируемое издание.

Как всегда оказалась интересной, критичной и дискуссионной, представленная в книге точка зрения В.М. Межуева – в данном случае его оценка отечественных философов тех лет. Не отрицая выдающейся роли, которую сыграли эти философы второй половины XX в., В.М. Межуев критически отнесся к сциентистским надеждам на то, что посредством исследования разума, познания можно решить важнейшие проблемы человеческого бытия. Игнорирование и даже отвращение к исследованию социально-гуманитарных проблем привело к тому, что так и не были показаны «истоки и смысл русского коммунизма», и до сих пор не объяснены особенности России и человека русской культуры. В практическом плане это стало одной из причин создания такой атмосферы в обществе, при которой стало возможным появление нового «застоя» и усиливающейся популярности сталинистского мифа.

Сравнивая две, по его мнению, самые крупные фигуры того времени, Э.В. Ильенкова и М.К. Мамардашвили, В.М. Межуев утверждает, что «если для Ильенкова главным делом философии является разработка диалектической логики как теоретически осознанного единства бытия и мышления, то, согласно Мамардашвили, сознание не выводимо ни из природного, ни из общественного бытия, и есть «особого рода образование», не ухватываемое средствами ни логики, ни психологии. В качестве особой, ни к чему не сводимой реальности сознание и является предметом философии» (с. 54). Если Э.В. Ильенкова В.М. Межуев считает «главной философской звездой периода “оттепели”», то М.К. Мамардашвили был признанным философским лидером периода «застоя». И дело не просто в том, что одна звезда засияла чуть позже другой, а в том, что освобождение личности Э.В. Ильенков связывал с изменением социального бытия, которое для этого надо было постичь средствами диалектической логики, а «оттепель» давала некоторые основания для оптимизма в реализации этих целей. Когда же эти основания исчезли, то убежище для себя философы могли найти в философии, которая сознательно и принципиально не ставила перед собой цель как-то повлиять на социальную среду. Именно такой философией и была философия М.К. Мамардашвили. Не случайно, по мнению В.М. Межуева, в последнее время, время нового «застоя» и определенного отката от демократизации общества, вновь ожил интерес к философии Мамардашвили. Тем не менее, заключает он, «судьба философии Мамардашвили в наше время (кого все-таки при всем уважении

к его памяти можно считать ее продолжателем?) убеждает меня в том, что любая форма философствования лишена будущего, если не связана с постижением общественного и исторического бытия человека» (с. 57).

Не менее критическое, хотя и совершенно с других позиций, отношение к философам-шестидесятникам высказывает и К.А. Свасьян. Отдавая дань их мужеству и называя их марксистами-«фронтовиками», в отличие от «тылового» марксизма философов, живших на Западе, К.А. Свасьян считает их ошибкой то, что они «повелись на оттепель, истолковав хрущевские перемены в духе исторического материализма» (с. 68). Однако уже вскоре «против собственной воли они очутились в диссидентах или подозрительных, т.е. есть стали больше, чем были: были за подлинный, как им казалось, марксизм; стали эзопами и иносказателями» (там же). Фундаментальный недостаток советской философии, считает К.А. Свасьян, «лежал в ее гегелевской наследственной патологии. Она со слепой одержимостью абсолютизировала материю, положив ее в основу всего... По сути, это был лишь переставленный на голову идеализм, гегелевская абсолютная идея, которая, пресытившись собой, прикинулась абсолютной материей и пошла в народ, в революцию» (с. 67–68, 70).

Особенностью России, по мнению *М.Н. Эпштейна*, было то, что нигде больше (за исключением конфуцианского Китая) философии не суждено было сыграть такую огромную практическую роль. Речь идет о советском периоде до 50-х гг., когда страна «не столько производила философские идеи, сколько внедряла их в общественное бытие и сознание» (с. 86). И только начиная с 50-х гг. советская философия «стала освобождаться от своих окаменелых структур» (с. 88). Автор выделяет 8 основных направлений философской и гуманитарной мысли послесталинского периода с указанием множества имен, относимых к тому или иному направлению.

Последующие разделы книги посвящены уже не общей характеристике философии России XX в., а отдельным ее областям, направлениям и фигурам. Так, *В.С. Степин* подробно описывает отечественную философию науки того периода. Называются школы, сообщества, подходы, области, а самое главное — имена, десятки имен, обилие которых само уже производит впечатление. Столь внимательное отношение к своим коллегам не может не вызывать уважение. В.С. Степин отмечает вклад, который философское сообщество внесло в мировую философию науки: «В отечественных исследованиях 60–80-х гг. значительно более глубоко, чем в западной философии, в которой доминировали позитивистские концепции, проанализирована проблема взаимодействия философии и науки... более детально проанализирована структура научного знания», в частности, такая специфическая форма теоретического знания, как научная картина мира. «Новые результаты были получены при логическом анализе процедур развертывания теории. Показано, что, наряду с гипотетико-дедуктивным методом при построении теорий, применяется генетический, конструктивный метод, основанный на оперировании абстрактными объектами... Наши исследователи открыли ранее неизвестную и не описанную в зарубежной философии процедуру конструктивного

обоснования гипотетических моделей... Более глубоко, чем в западной философской литературе в 70–80-х гг., проанализированы ситуации научных революций, а в их анализе учтены междисциплинарные взаимодействия и роль социокультурных факторов. Анализ научных революций соединялся у нас с исследованиями типов научной рациональности и их исторического развития...» (с. 100–103).

Не менее значимыми представляются сегодня проведенные в 60–80-е гг. исследования философско-методологических проблем конкретных наук, а также философско-методологический анализ междисциплинарных научных программ и связанных с ними методологических проблем синергетики.

Вспоминая обстановку 60–80-х гг., в которой жили и работали советские философы, в частности философы науки, **Б.И. Пружинин**, так же как и другие авторы книги, отмечает, что все они были очень разными, со своими концепциями, которые они в горячих спорах с коллегами отстаивали. Но при всех своих несогласиях они уважали друг друга, в частности за то, что никто из них никогда не прибегал к «административно-идеологическим аргументам». «И не сама по себе идеология вызывала отторжение, но содержащаяся в тогдашней господствующей идеологии претензия на универсальность, на роль фактически философского мировоззрения (при принципиальном отсутствии критического отношения к себе самой)» (с. 114).

Что объединяло помимо этого философов науки, работавших в частности в секторе сначала диалектического материализма, а затем теории познания Института философии, так это ориентация на истину, «понятую исторически и деятельностно». Отсюда – критический настрой по отношению к западным позитивистским установкам и формирование собственных альтернативных методологических подходов. В частности, «переосмысливались идеи деятельностного подхода в эпистемологии (В. Лекторский), разрабатывались оригинальные методологические схемы теоретического познания (В. Степин)... активно обсуждалась идея стилей научного мышления в интерпретации Ю. Сачкова, Н. Трубников разрабатывал идеи “времени человеческого бытия”, а Е. Никитин – идеи целостности духовного мира человека, имеющие самое прямое отношение к методологии гуманитарного познания» (с. 112). А в качестве консолидирующей это сообщество темы, считает Б.И. Пружинин, «уже тогда проступала тема глубинной разнонаправленности исторической динамики, тема многомерности истории» (с.115). И само обращение к этой теме в те годы стало противодействием «идеологеме одномерной заданности исторического движения» (там же).

Статья не столь давно ушедшего от нас Александра Павловича Огурцова посвящена системному анализу науки как одному из направлений философии науки. Охарактеризовав системный подход к научному знанию, как он был представлен у разных авторов, и описав его различные формы, А.П. Огурцов выделяет группу исследователей во главе с И.В. Блаубергом, в которую входили В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин, А.В. Яблонский, Э.М. Мирский, Б.А. Старостин, В.Н. Костюк, и которая

издавала ежегодник «Системные исследования». Но и вне этой группы были исследователи, развивавшие системный подход к изучению науки, которых вспоминает А.П. Огурцов. Это Г.П. Щедровицкий, А.И. Уемов, Ю.А. Урманцев, В.С. Тюхтин, В.И. Кремянский, Ю.А. Шрейдер и др. Но специально и достаточно подробно А.П. Огурцов остановился на фигуре М.К. Петрова, чей своеобразный науковедческий подход к системному мышлению, по мнению А.П. Огурцова, еще не осмыслен и чьи работы сами были выражением системного подхода (см. с. 123). Высоко оценивая творчество М.К. Петрова, А.П. Огурцов, тем не менее, дискутирует с ним в связи с теми двумя основными понятиями, которые легли в основание его социологической концепции науки, а именно, понятий эквивифинальности и человекоразмерности (второе понятие введено самим Петровым), в которых М.К. Петров видел «как методологические, так и онтологические системности научных описаний» (с. 125) и внутри науки и применительно к описанию самой науки. В целом А.П. Огурцов делает вывод, что «для Петрова характерен прежде всего социологический подход в эпистемологии того направления, которое теперь называется социальной эпистемологией» (с. 136).

Статья В.Н. Поруса «Философия науки как оффшорная зона советской философии» явно выходит за рамки своего названия. Автор рассуждает о том, как следует изучать и оценивать советскую философию, критически рассматривая некоторые точки зрения на этот счет и справедливо соглашаясь с мнением, что понять и оценить труды советских философов можно только в социально-политическом и идеологическом контексте того времени. Что же касается собственно философии науки, то, как полагает автор, в ней «налог на идеологию» начал существенно сужаться с выходом на международные форумы (примерно с конца 60-х гг.). Так что в это время «идеологический контроль в этой области философии уже практически не имел значения, а реальные достижения марксистской мысли (не ее “советской” мумии) «всерьез рассматривались за рубежом, и там оказывали свое влияние на философские исследования науки... Прорыв информационной блокады, таким образом, оказывался фактором развития не только “советской”, но и мировой философии» (с. 150–151). При этом В.Н. Порус отмечает, что давление идеологии, несомненно, мешавшей свободной мысли, в одном аспекте сыграло «некоторую специфическую роль, которую с известным напряжением даже можно назвать позитивной. Оно напоминало исследователям об их принадлежности к философии» (с. 155). Автор отмечает это, видя вслед за И.Т. Касавиным и Б.И. Пружининым, опасность распространенной ныне у нас и на Западе редуционистской тенденции растворения философии науки в междисциплинарных исследованиях, синергетике, когнитивной науке, науковедении, литературоведении, антропологии, культурологии и других конкретных науках. И «...предстоит большая... работа по испытанию философии вообще и философии науки в частности на жизнестойкость. Для этой работы опыт “советской философии науки” может оказаться исключительно значимым — при критическом его осмыслении» (с. 156).

В следующем разделе книги обсуждается, в основном, вопрос о том, как толковались в интересующий нас период некоторые классики философии. Так, финский автор **В. Ойттинен**, сравнивая понимание Б. Спинозы советскими и западными марксистами, приходит к выводу, что различие между ними настолько велико, что возникает сомнение в том, идет ли речь у них об одном и том же мыслителе. «В то время как западный левый спинозизм опирается прежде всего на наследство Ницше... советский Спиноза представляется в свете классической материалистической традиции... Тогда как западный левый спинозизм отличается “гипертрофированным” субъективизмом, советский Спиноза, в свою очередь, не в меру объективист» (с. 169). И все же при всех ее недостатках советская версия Спинозы, по мнению автора, ближе к оригиналу.

М.Ф. Быкова в своей статье отмечает, что именно в СССР в интересующий нас период появились первые в мире исследования, «которые убедительно продемонстрировали гегельянизм Маркса» (прежде всего работы А. Зиновьева и Э. Ильенкова) (см. с. 187), и ознаменовали подъем советского гегелеведения, а также возрождение интереса к немецким классикам в целом, проявившегося в работах В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, К.С. Бакрадзе, А.С. Богомолова, И.С. Нарского и др. Одновременно автор критикует господствовавший тогда «лестничный» подход к немецкой философской мысли, «когда учения Канта, Фихте и Шеллинга, если и имели значение, то не сами по себе, а как предтечи системы Гегеля» (с. 189). Несмотря на это, в 70-е годы резко возрос интерес к Канту и Фихте, а 80-е годы М.С. Быкова определяет как период расцвета исследований немецкого идеализма, называя здесь таких авторов, как А.В. Гулыга, Э.Ю. Соловьев, Т.И. Ойзерман, Н.В. Мотрошилова, П.П. Гайденок, Т.Б. Длугач, В.А. Жучков, Ю.Н. Давыдов, М.А. Киссель, А.М. Каримский, В.И. Шинкарук, А.И. Володин, В.С. Нерсесянц, Д.А. Каримов, Л.С. Мамут и др.

М.Ф. Быкова отмечает, что отечественная философия опередила западную в анализе гегелевской диалектики, в обсуждении гегелевского понимания общественной природы мышления, в осознании социального характера фихтевской концепции свободы и во многих других вопросах (см. с. 198).

Следующие две статьи, написанные зарубежными исследователями, посвящены Э.В. Ильенкову. **Т. Рокмор**, автор первой статьи, указывает три причины, по которым труды Э.В. Ильенкова представляют интерес. «Во-первых, в сложной ситуации советского марксизма Ильенков оказался новатором в том, что сформулировал марксистскую теорию, основанную на знании текстов, в соответствии с лучшими стандартами философской дискуссии. Во-вторых, он распространил гегельянский марксизм... на гегелевскую логику. В-третьих, он продвинул наше понимание того, как именно Маркс опирался на логику Гегеля...» (с. 213).

Д. Бэжхерст рассуждает об интерпретации Э.В. Ильенковым Гегеля в связи с анализом проблем идеального, тождества бытия и мышления, диалектики. Одна из главных идей, которые Ильенков «извлекает из Гегеля», та, что «мысль воплощается не только в высказываниях, но

и в результатах деятельности человека» (с. 225). На этом Ильенков строит свою концепцию идеального. Идеальное для него, по словам Д. Бэкхерста, «это человеческая деятельность, “воплощённая” или “овеществлённая” в естественном мире» (с. 279). Развивая эту тему в своей 2-й статье «Деятельность и рождение личности», Д. Бэкхерст сравнивает деятельностный подход к формированию личности у Ильенкова с похожими западными концепциями, которые автор называет трансформационными в противоположность натуралистическим, но сам, при этом, предпочитает, так сказать, третье решение, которое, отвергает натурализм, но и не совсем совпадает с концепцией Ильенкова.

В статье *М. Дени* «Рецепция философской концепции А.Ф. Лосева на Западе в конце XX – начале XXI века» отмечается, что в указанные в заголовке статьи годы на Западе усилился интерес к Лосеву как философу, в частности, к таким темам, как понимание мифа и феноменология.

Концепция деятельности и мыследеятельности Г.П. Щедровицкого обстоятельно анализируется одним из его учеников, членом Московского методологического кружка (созданного в свое время Г.П. Щедровицким) *В.М. Розиным*. В центре внимания автора – так называемое «методологическое мышление» и его три составляющие: проектная, мыслительная и коммуникационная.

Конечно же, в книге, посвященной философии России второй половины XX в. невозможно было обойти вниманием идеи М.М. Бахтина – их анализу и оценке посвящены четыре статьи. В первой из них *Н.С. Автономова* сравнивает Бахтина с Ю.М. Лотманом и приходит к выводу, что, несмотря на их непохожесть и даже противоположность, они влияли друг на друга. Автор демонстрирует результаты этого творческого взаимодействия не только, так сказать, «по притяжению, но и парадоксального взаимодействия по отталкиванию...» (с. 319).

В центре внимания статьи *В.А. Малахова* – фигура Г.С. Батищева с его идеей «глубинного общения». На примере Г.С. Батищева можно видеть, как постепенно идея деятельности, за которой, по мнению В.А. Малахова, стоял монологизм, стала понемногу уступать место парадигме общения, диалогу (см. с. 339–340). Борьба этих двух парадигм и разное понимание диалога, общения нашли свое отражение в спорах Г.С. Батищева с М.М. Бахтиным, Э.В. Ильенковым и В.С. Библером.

М.Е. Соболева в своей статье рассматривает попытки таких «активных реципиентов бахтинских идей», как В.С. Библер, Г.С. Батищев, М.Ю. Лотман, выявить заложенный в этих идеях потенциал, развить его и на его основе построить собственные теории. Отталкиваясь от идей М.М. Бахтина, В.С. Библер строит свою логику диалога, Г.С. Батищев – диалектику творчества, а В.С. Библер – структурную семиотику.

Статья *Б.Л. Махлина* «Опоздавший разговор» – это, как определяет сам автор, «попытка обосновать тезис: диалог с “диалогизмом” М.М. Бах-

тина...в советский век не мог состояться, как не может он состояться и сегодня» (с. 360), несмотря на всемирную популярность этого мыслителя. Автор пытается показать, как и почему такое стало возможным.

Завершает книгу раздел посвященный философской антропологии и этике. Онтология человека, по мнению *А.А. Хамидова*, разрабатывалась М.М. Бахтиным в его концепции поступка. С.Л. Рубинштейн дополнил эту онтологию отношением «человек и мир». Г.С. Батищев, отстаивая и развивая категорию деятельности, постепенно приходит к пониманию ее ограниченности и дополняет ее категорией творчества как особого рода «...наддеятельностным отношением субъекта к миру и к самому себе...» (с. 411).

Ю.В. Пуцаев, рассматривая проблемы морали в философии советского времени выделяет две линии в понимании морали: условно говоря, «гегельянскую» и «кантианскую». Первая (Ильенков, Лукач), как и полагается марксизму, считала мораль зависимой от общественных отношений, из которых она выводится. Отсюда следуют по крайней мере два вывода. Первый: чтобы сделать людей моральными, надо изменить общественные отношения. Второй: пока эти общественные отношения несовершенны, неизбежно оправдывается аморальность поведения. Отсюда и прямое оправдание революционного насилия, обмана и т.п. В рамках второй линии, представленной прежде всего О.Г. Дробницким, осуществляется попытка, не отрицая общественно-историческую природу морали, выйти «за рамки понимания морали, как чего-то вторичного, что можно нарушать и через что можно переступить...» (с. 426), ибо у морали есть «незаместимые и нередуцируемые функции в общественной жизни...» (с. 429).

Следующий шаг на пути «назад к Канту» в понимании морали, по мнению автора, делает М.К. Мамардашвили, для которого моральные категории «автономны и ниоткуда не выводимы: ни из общественной практики, ни из религии...» (с. 430).

Д. Стейла в своей статье показывает как Зиновьев и Мамардашвили «хотя и по-разному, но затрагивали вопрос ответственности не только в своих философских размышлениях, но и в своей жизни» (с. 439).

Подытоживая, следует сказать, что рецензируемая книга вносит серьезный вклад в историю нашей философии второй половины XX в. Конечно, она не дает всей полноты картины. Достаточно сказать, как это признается самими авторами, что она посвящена, прежде всего, наименее «идеологичным» сферам отечественной философии того периода. Между тем в те же годы были интересные дискуссии и в других областях философии: например, дискуссия об азиатском способе производства, о структуре общественного сознания, о проблеме ценностей, о предмете социологии и ее месте в системе социальных наук, об объективности и субъективности прекрасного и др. Но судить о книге надо по тому, что в ней есть, а не по тому, чего в ней нет. И тогда положительная оценка ее будет очевидной.